

Равнодушие

В конце марта в редакцию «Комсомольской правды» пришло следующее письмо:

Уважаемая редакция!

Обращаюсь к вам с просьбой помочь мне разобраться в преступлении, совершённом моим сыном — комсомольцем и пионервожатым.

Сам я нахожусь на фронте с 1942 года. Старший офицер. У меня семья — жена, два сына и две дочки. Никогда я не был недоволен поведением своих сыновей. Оба сначала были пионерами, в конце 1944 года старший сын, Анатолий, вступил в комсомол и вскоре стал пионервожатым. Учится он в 7-м классе, ученик с хорошими и отличными отметками. В марте 1945 года ему исполнилось 14 лет. Мальчик имеет пытливый ум, склонность и любовь к технике. Ему бы ковыряться в разного рода машинах, собирать, разбирать, отвинчивать и завинчивать, как говорят — «хлебом не корми». По общему признанию соседей, мой сын исключительно хорошего поведения.

И вот в январе я получаю от жены письмо, которое до глубины души обидело меня. Мой старший сын был судим и получил год условно. И за что?

А вот за что: в начале января в выходной день поехал с товарищем прокатиться на лыжах. Проезжая мимо двора артели «Промкооплеса», они увидели в сарае старую лесопильную машину. Детская любознательность толкнула их в сарай. Конечно, не вредительство. В сарае они отвинчивали и завинчивали у этой машины всякие гайки и винтики. И за этим занятием их застал кто-то из администрации. Товарищ сына убежал, а Толю избили, а затем отвели в милицию, где он просидел трое суток.

Дирекцией «Промкооплеса» было возбуждено против моего сына уголовное дело и предъявлен иск на 12 000 руб.

Народный суд г. Переславля-Залесского Ярославской области, разбиравший это дело, приговорил сына к году лишения свободы условно. А иск, видимо, остался неудовлетворённым.

Я возмущён таким решением суда. Возмущён бесчеловечным отношением к моей семье — семье фронтовика. Никто из судей не поинтересовался тем, что у жены моей четверо детей и что до суда никто из детей ничем не запятнал себя.

Я не удивлюсь, если мне жена через месяц напишет, что наш сын стал вором. По логике вещей так и должно быть. Был человек и нет человека. 14 лет, а он имеет судимость. Что ему делать, как не искать другой среды?

Уважаемая редакция, у меня большое горе, и я ничего не могу сам сделать. Прошу поэтому вас вмешаться в это дело и реабилитировать сына.

С приветом к вам

В. А. САБАЕВ.

Полевая почта 18996-в.

Попытаемся по порядку рассказать о том, что произошло с сыном майора Сабаева.

В семье Василия Александровича Сабаева четверо детей. Анатолий — старший, за ним десятилетний Геннадий и две девочки — Сталя и Лера. Все они неуловимо похожи друг на друга — выражением лиц, глаз, хорошей, открытой улыбкой. И всех в этой семье связывает большая дружба. Сказывается она и в том, что мальчики не позволяют матери колоть дрова и ходить за водой, и в том, как они заботятся о сестрёнках. Отец пишет каждому в отдельности,

даже пятилетняя Лера бережёт полученные с фронта открытки. И в письмах жене Василий Александрович то и дело напоминает: «Что дети? Прошу тебя, пиши о них подробнее. Ведь ты знаешь: они мне дороже жизни. Я постоянно думаю о них, каждая моя свободная минута посвящена им». А в последнее время он всё чаще спрашивает: «Почему молчит Толя? Передай ему, я жду его письма и прошу подробно и честно обо всём рассказать мне».

Анатолий, действительно, молчит, не отвечает на письма отца. Очень трудно на бумаге рассказать о том, что вдруг совсем перевернуло твою жизнь и в чём никто не помог тебе разобраться. А случилось вот что.

Толя Сабаев и его товарищ Юра Ананьин в дни зимних каникул часто гуляли во дворе артели «Промкооплес», неподалёку от каменного одноэтажного здания лесопильного завода. Двор был не огорожен, а контора и машинное отделение завода (в то время бездействовавшего) закрывались небрежно: дверь конторы припирала палка, а у входа в машинное отделение была большая дыра. Как-то ребята вошли в машинное отделение и долго возились у распределительного щита, лежавшего на полу. «Хотели посмотреть, как он устроен», — объясняет Анатолий. Потом покатались на тачках-вагонетках, а затем прошли в контору, обнаружили там груды бумаг, написанных только с одной стороны, долго совещались — не захватить ли немного: пригодится для письма. Решили не трогать, собрались было уйти, но Анатолий вспомнил, что оставил в машинном отделении варежки, и вернулся за ними. Там его и застал механик завода Тихонов. Именно с этого момента и начинается история «подсудимого Анатолия Сабаева». Не долго думая, Тихонов схватил «злоумышленника», избил его и отвёл в милицию. Вслед за этим был составлен акт, подписанный председателем правления «Промкооплеса» Гавриловым, механиком и бухгалтером.

Акт гласит: «Подростки Сабаев и Ананьин в декабре и январе систематически проникали в цеха лесозавода». Оба мальчика именуются «лицами, проводившими хищение инвентаря, инструмента, материалов и готовых изделий с территории лесозавода, а также порчу производственного оборудования и станков с целью их похищения». Авторы акта утверждают, что злоумышленники проникали в цехи «путём взлома замков». Оставим в стороне вопрос о том, как мальчуганы могли в течение двух месяцев безнаказанно взламывать замки. Заметим лишь, что это — весьма красноречивое свидетельство неповоротливости и бесхозяйственности руководителей правления. Но что же было таким способом похищено из здания завода?

А вот что: оконных стёкол — 28 штук, станков ножевых по металлу — 2, электрораспределительный щит — один, амперметр — один... Не станем утомлять читателя — всего 17 названий на сумму 15 773 рубля 70 копеек. (Умилительна аккуратность, которую в данном случае — наконец-то! — проявило руководство правления в заботах о вверенном ему государственном имуществе: учтено всё в точности, до последней копеечки.) Итак, всё это похитили «два подростка рождения 31 года». Правда, бухгалтер Кухто признаёт, что упомянутые вещи были похищены или испорчены в разное время ещё в начале зимы, задолго до того, как механик Тихонов так энергично задержал «злоумышленников». «Вообще, — говорит Кухто, — на кражи в нашу артель ходили (!?) и другие, да кроме того, двое этих подростков не могли разобрать такие приборы, как распределительный щит — это им не под силу». Стало быть, в городе Переславле-Залесском существует такой своеобразный отхожий промысел: все желающие могут попросту «ходить» на кражи в артель «Промкооплеса» и преуспевать в этом деле на глазах его благодушных руководителей. Но тогда почему же народный следователь считает, что именно этими двумя мальчиками «Сабаевым и Ананьевым было украдено и выведено из строя оборудование, как-то: пилоточный станок, электрораспределительный щит, вольтметр и другие приборы на сумму 11 573 рубля»?

Есть такой старый анекдот. Некто в нетрезвом состоянии ползает на земле у фонаря. — Что ты? — спрашивают у него. — Рубль потерял. — А где потерял? — Вон у того забора. — Так почему же ты ищешь не там, а здесь? — А здесь светло! — последовал мудрый ответ.

Руководители завода с той же мудрой логикой сочли более лёгким искать там, где светло: схватить ребят было куда проще, чем проследить и изловить настоящих виновников.

Суд разобрал дело. Суд нашёл, что ни свидетельскими показаниями, ни каким-либо другим образом преступление не доказано, и поэтому в иске «Промкооплесу» отказал. Но Толя Сабаев на суде вспомнил то, о чём никто кроме него знать не мог, в чём никто не мог его уличить: однажды они с Юрой взяли лежавшую в канаве доску от разобранного забора. Там же валялась маленькая слесарная пилка. Пилку они потеряли, а из доски собирались сделать ружьё. И вот «за хищение двухметровой доски и пилки» ребята были приговорены к году лишения свободы с полугодовым испытательным сроком.

Мы не утверждаем, будто в помещение надо ходить только потому, что оно плохо заперто. Мы далеки от мысли, будто чужие доски и пилки можно брать только потому, что они валяются где попало. И всё-таки нельзя не согласиться с адвокатом Щедровой, которая предлагала дело, за маловажностью состава преступления, прекратить. В разделе третьем Уголовного кодекса есть примечание — простое и ясное, на него и опирался защитник: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи особенной части настоящего кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного». Думается, тов. Щедрова была права. Но суд решил иначе. И нам кажется, что суд тоже предпочёл искать там, где светло, вместо того, чтобы заняться серьёзными розысками настоящих преступников. Скажем прямо: в Переславле было и бывает немало серьёзных краж и злого хулиганства. Стоит заглянуть на рынок, пройти попозже вечером по глухому переулку, чтобы увидеть много невесёлого, что достойно бдительного внимания общественности и энергичного вмешательства органов правосудия. И на этом фоне странно выглядят двое хороших, правда, несколько легкомысленных ребят в роли преступников.

Судебный приговор, особенно когда дело касается несовершеннолетних, преследует воспитательные цели. И, право, совсем не было надобности применять такое сильное средство, как год лишения свободы, хотя бы и условно, по отношению к этим двум школьникам.

О каждом из них школа дала самые лучшие отзывы. Толя был принят в комсомол, когда ему ещё не исполнилось 14 лет. Ему доверили большую и почётную работу пионервожатого в 3-м классе. Он внимательный и способный ученик, добрый товарищ. Кое-кто из работников суда осмелился сказать матери Анатолия Ольге Павловне: «Хорошего сына вы воспитали, нечего сказать!» А мы возразим: хорошего! Хорошего сына воспитали в семье Сабаевых — правдивого и честного. Это показывает всё, что мы знаем о его поведении в семье, в школе, и даже самое следствие и суд, которому не пришлось бы выносить осуждающего приговора, если бы мальчуган сам не рассказал о злополучной двухметровой доске, в присвоении которой его никто не уличал.

— После суда Анатолий стал мрачен, задумчив, — говорит Ольга Павловна.

Да и неудивительно: он угнетён приговором, чувствует себя заклеянным, запятнанным. Майор Сабаев не без основания опасался, что сын его останется одинок. Он опасался, что Анатолия осудит не только суд, но и комсомол, пионерская организация, школа. Но произошло нечто иное, очень странное и не менее тяжёлое: школа и комсомол просто ничего не знали о несчастье, которое случилось с мальчиками.

В школе, где учится Анатолий, нам сказали: «Мы, видите ли, не в курсе дела. Тут мать Сабаева приходила за характеристикой, она что-то такое рассказывала. Он, кажется, с группой ребят (?) стащил какие-то части на машинно-тракторной станции» (?).

В другой школе, где учится Юра, мы услышали: «Да, он что-то украл. Ах, да, утащил какую-то часть от машины. Подробности? Какие же мы можем знать подробности? Тогда уж надо с делом знакомиться!»

А в горьком комсомоле удивились несказанно: «Толя Сабаев? Замечательный мальчишка! Его ребята в отряде просто обожают! Неужели было такое дело? Просто удивительно!»

Школе кажется странным и чрезмерным, когда от неё ждут, чтобы она была в курсе дела, если с её питомцем случается нечто серьёзное. А нам странным, чудовищным кажется, что никто, ни единый человек из школы — ни классный руководитель, ни директор — на суде не присутствовал.

У Юры отец погиб на фронте. Ответственность школы за него, таким образом, удвоилась. Школа обязана была отечески вступить за него, отстоять, доказать его невиновность, а не заявлять с равнодушным удивлением: «Какие же мы можем знать подробности?»

Так и замкнулся этот круг равнодушия: суд, школа, комсомольская организация. Никто не заинтересовался ни существом дела, ни тем, как переживают эту историю подростки, ни тем, как это скажется на их дальнейшей судьбе. Но кому же дано право с такой бездушной лёгкостью относиться к человеку и его будущему?

Ф. Вигдорова.
Переславль-Залесский
Ярославской области.